

ВОДА
ЖИВАЯ

9 785604 861110

КЛАРИСИ
ДИСПЕКТОР

No Kidding Press

Клариси Лиспектор

Вода живая

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69164353
Клариси Лиспектор: No Kidding Press; Москва; 2022
ISBN 978-5-6048611-1-0

Аннотация

«Вода живая» – экспериментальный роман-размышление о природе жизни и времени важнейшей бразильской писательницы XX века Клариси Лиспектор, написанный в форме импровизационного поэтического монолога, на первый план в котором выступают живописные, музыкальные и тактильные свойства текста. Неконвенциональность языка, философская глубина, чувственность и стремление к универсальности не позволяют дать прозе Лиспектор однозначные жанровые определения, увлекая читателя колдовским, демиургическим вихрем в мир синестезии, оголенного существования на грани между животным, растительным и человеческим.

Клариси Лиспектор

Вода живая

Clarice Lispector

ÁGUA VIVA

Rocco

© Agua viva, 1973.

© Екатерина Хованович, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding Press, 2022

* * *

Должна была существовать живопись полностью независимая от фигуры – объекта, – которая, как музыка, не служит иллюстрацией чего бы то ни было, не рассказывает историю и не творит миф. Такая живопись всего лишь напоминает о непроницаемых царствах духа, где сон превращается в мысль, где из штриха рождается жизнь.

Мишель Сёфор

С такой глубочайшей радостью. С такой аллилуйей. Аллилуйя, кричу я, и моя аллилуйя сливается со скорбным воем самой беспросветной человеческой боли, боли расставания,

но при этом я чертовски счастлива. Ведь меня больше никто не держит. Я всё еще способна рассуждать: не зря изучала математику – это помешательство рассудка, – но сейчас мне нужна плазма, хочу питаться непосредственно от плаценты. Мне немного страшно: страшусь следующего мига, ведь он – неизвестность. Но я ли создаю следующий миг или он возникает сам? Мы творим его дыханием. Так же легко и непринужденно, как ходит по арене тореро.

Говорю тебе: я пытаюсь ухватить четвертое измерение ныне-мига, но он такой мимолетный, что вот его уже и нет, ведь он обернулся следующим ныне-мигом, да и того уже нет. У каждой вещи бывает миг, в который она есть. Я хочу овладеть этим *есть* каждой вещи. Этими мгновениями, скользящими в воздухе, который я вдыхаю, этими бесшумными фейерверками, взрывающимися в пустоте. Я хочу владеть атомами времени. Я хочу поймать настоящее, недоступное мне по природе своей: настоящее бежит от меня, нынешнее от меня ускользает, а ведь настоящее – это я, ведь я всегда – сейчас. Только в любви – из-за прозрачно-чистой и звездной отвлеченности того, что переживаешь, – можно уловить тайну мгновения, твердую, как вибрирующий в воздухе кристалл, а ведь жизнь и есть то самое неопишваемое мгновение, которое больше, чем само событие: мы предаемся любви и в это время блещет в воздухе драгоценный миг, лишенный очертаний, необычайное телесное блаженство, материя, взбудораженная ознобом мгновений, – и то, что ты чувству-

ешь, – нематериально, но в то же время настолько предметно, что совершается как бы вне тела, искрится где-то в вышоте; радость, радость – вот что такое ткань времени, вот что воистину и есть мгновение. И в мгновении заключено *есть* этого мгновения.

Говорю тебе: я хочу поймать собственное *есть*. И пою аллилуйю воздуху, как птица поет. И песня моя – ничья. Но не существует страсти, полной боли и любви, за которой не следовала бы аллилуйя.

Моя тема – мгновение? тема моей жизни. Я стараюсь не упускать ее из виду, я делю себя на тысячи частей, и я настолько раздроблена, а мгновения так мимолетны, что приходится жить только той жизнью, которая рождается вместе со временем и с ним растет: только во времени есть место для меня.

Я пишу тебе всей собой и ощущаю вкус бытия, а вкус тебя абстрактен, как мгновение. Картины свои я тоже пишу всем телом, плотью, борясь сама с собой, но на холсте оставляю бесплотность. Музыку не понимают: ее слышат. Так услышь меня всем телом. Когда ты наконец прочтешь это, ты спросишь: отчего меня потянуло куда-то кроме живописи и выставок, ведь словами я пишу неуклюже и неряшливо. Но как раз сейчас мне захотелось слов, и то, что я пишу, ново для меня самой, потому что настоящее мое слово еще не тронут. Слово – мое четвертое измерение.

Сегодня я дописала картину, о которой тебе рассказыва-

ла: завитки, проникающие один в другой тонкими, черными штрихами, и ты (ведь ты вечно задаешь вопрос: почему? а меня почему не интересует, почему – это прошлое), ты спросишь, почему тонкие черные штрихи? а по той же секретной причине, которая заставляет меня писать сейчас как бы тебе: пишу округло, спутанно, вяло, но иногда слова мои холодны, как леденящий миг, как вода в ручье, вечно дрожащая сама по себе. Можно ли выразить словами то, что я изобразила на картине? Настолько же, насколько возможно угадать в музыкальном звуке скрытое в нем слово.

Вижу, что никогда не говорила тебе, как слушаю музыку: я чуть касаюсь рукой радиолы, и рука вибрирует, распространяя волны по всему телу – так я слышу электрические токи вибрации, самый глубинный слой царства реальности, и мир трепещет в моих руках.

И вот я чувствую, что хочу добыть для себя вибрирующую основу слов, постоянно повторяющихся в григорианском пении. Я сознаю, что не могу высказать всего, что знаю, я знаю только тогда, когда пишу картины или произношу слепые к смыслу слоги. И если сейчас мне приходится ради тебя использовать слова, они должны иметь смысл почти исключительно телесный, ведь я имею дело с самой последней вибрацией. Чтобы выразить для тебя словами свою основу, я составляю фразу из одних ныне-мгновений. Так что читай мое изобретение чистой вибрации без смысла, кроме смысла каждого свистящего слога, читай то, что я сейчас напишу:

«века прошли, и я утратила тайну Египта, когда перемещалась по долготе, широте и высоте благодаря энергетическому воздействию электронов, протонов, нейтронов, очарованная словом и его тенью». То, что я написала тебе, – электронный рисунок, и у него нет прошлого или будущего, он просто есть сейчас.

Я еще потому должна тебе писать, что твое поле – это поле рассудочных слов, а не прямая дорога моей живописи. Я знаю, что слова мои – изначальноны, я слишком люблю их, и любовь перекрывает ошибки, но слишком сильная любовь вредит делу. Это не книга, потому что так книги не пишут. Может, это просто момент наивысшего напряжения? Дни моей жизни – сплошное наивысшее напряжение: я живу на грани.

Когда я пишу словами, то не могу ничего словесного изготовить вручную, как делаю в живописи, когда смешиваю краски, чтобы получить новый цвет. Но я пытаюсь писать тебе всем телом, пуская стрелу, которая вонзается в нежный болезненный кончик слова. Мое неузнанное тело говорит тебе: динозавры, ихтиозавры и плезиозавры, и смысл в этом только звуковой, но от этого они не становятся сухой соломой, а становятся как раз-таки мокрой. Я не изображаю в картинах идеи, я создаю самое недостижимое – «навсегда». Или «никогда», что одно и то же. В первую очередь я создаю живописью живопись. А для тебя в первую очередь я начертанием слов создаю писание. Я хочу как бы взять слово

в руки. Слово – это предмет? А что до мгновений, то иногда я выжимаю из них фруктовый сок. Мне надо устраниться, чтобы добыть сердцевину и семена жизни. Миг – это живое зерно.

Тайная гармония дисгармонии: я хочу не того, что уже сделано, а того, что еще пока криво и неуверенно делается. Эти нечеткие слова – роскошь, которую позволяет себе мое молчание. Я пишу акробатическими и воздушными пируэтами – пишу из глубочайшего желания говорить. Хотя, когда пишу, я еще сильнее молчу.

И если я говорю «я», то только потому, что не осмеливаюсь сказать «ты», или «мы», или «один человек». Мне приходится из скромности приуменьшать себя, делать вид, что я – это всего лишь я, но я – это «ты-есть».

Да, мне требуется последнее слово, и оно же приэтом настолько первое, что его можно принять за сокровенную часть реальности. Я всё еще боюсь отойти от логики, потому что проваливаюсь в инстинктивное, и в прямоту, и в будущее: выдумывание нынешнего – мой единственный способ учредить будущее. Отсюда и впредь – будущее, и всякий час в нем – урочный. А что же плохого в том, чтобы отойти от логики? Я имею дело с первоматерией. Я – за тем, что за рассудком. Меня бесполезно классифицировать, я ускользаю: ни жанры, ни виды ко мне больше не применимы. Я в небывало новом и истинном состоянии, оно любопытно само по себе, я в таком притягательном и таком личном состоя-

нии, что его не нарисуеть, не опишешь. Это похоже на мгновения, которые случались у нас с тобой, когда я тебя любила; на мгновения, за чьи пределы я никак не могла выйти, потому что слишком погружалась в них. Это миг подключения к энергии окружающего, и я содрогаюсь. Что-то вроде сумасшедшей, совершенно сумасшедшей гармонии. Знаю, что мой взгляд, скорее всего, – взгляд человека примитивного, безраздельно отдающего себя миру, примитивного, как боги, которые признают только добро и зло и не желают знать о добре, будто бы запутавшемся в волосах зла, такого зла, которое как бы и добро.

Я отмечаю внезапные мгновения, несущие в себе собственную гибель, и другие, которые тут же рождаются, – отмечаю миг метаморфозы, и это до жути красиво, эта их очердность и одновременность.

Сейчас светает, и заря расстилается белым туманом по песку пляжа. Итак, всё это – мое. Я едва прикасаюсь к еде, не хочу иного пробуждения, кроме пробуждения дня. День растёт, и я расту вместе с ним, и, вырастая, он убивает во мне слабую надежду и заставляет взглянуть прямо в глаза жестокому солнцу. Дует ветер и перемешивает мои листки. Слышу его истошное дуновение, предсмертный хрип птицы, распахнувшей крылья в наклонном полете. И вот я требую от себя строгости речи, натянутой, как тетива, нагой вплоть до белого скелета, в котором нет ни капли влаги. Но в скелете нет и жизни, а меня, пока я живая, бросает в дрожь. Не достичь

мне окончательной наготы. И похоже, я ее пока и не хочу.

Такова жизнь глазами жизни. Во мне может не быть смысла, но тогда я бессмысленна, как пульсирующая вена.

Хочу писать тебе так, будто учусь. Фотографирую каждое мгновение, заглядываю в глубину слов, будто рисую не столько сам предмет, сколько тень предмета. Я не хочу спрашивать почему, можно вечно спрашивать почему и так и не дожидаться ответа: может, мне сразу удастся перейти к выжидательному молчанию, которое обычно следует за вопросом без ответа? Хотя я догадываюсь, что «где-то» или «когда-то» существует великий ответ для меня.

И тогда я узнаю, как надо писать картины или слова и фразы, узнаю, услышав настолько чуждый и настолько близкий душе ответ. Слушай меня, слушай молчание. Я никогда не говорю тебе того, что говорю, я всегда говорю другое. Лови это убегающее от меня другое, ведь именно им я и живу, благодаря ему удерживаюсь на поверхности сияющей тьмы. Один миг неощутимо тянет меня в другой миг, и тема без темы развивается не по плану, но геометрически, будто узоры, сменяющие друг друга в калейдоскопе.

Медленно вхожу в щедрый подарок самой себе, в блеск, разорванный последней песней, которая кажется первой. Медленно вхожу в словопись, как я уже входила в живопись. Это мир, увитый лианами, слогами, жимолостью, цветом и словами, – порог у входа в древнюю пещеру, чрево мира, откуда мне предстоит родиться.

И если я часто пишу пещеры, то потому, что это мое погружение вглубь земли, они темны, но окружены сиянием, и это я, кровь природы – пещеры удивительны и опасны, они талисман Земли, в них накапливаются сталактиты, окаменелости и простые камни, а твари, безумные по своей злой природе, ищут там убежища. Пещеры – это мой ад. Пещера, вечно погруженная в свои мечты, туманы, воспоминания – или тоску? – изумительная, изумительная, эзотерическая, иззелененная водорослями времени. В темноте пещеры висят мерцающие летучие мыши со сложенными крестом крыльями. Вижу пауков, черных и мохнатых. Крысы в панике мечутся по полу и стенам. Среди камней – скорпион. Крабы, не изменившиеся с доисторических времен, пройдя череду смертей и рождений, казались бы грозными чудовищами, будь они ростом с человека. Ползают в полумраке дряхлые тараканы. И всё это – я. Всё тяжелеет и всё клонится в сон, когда я рисую пещеру или пишу тебе о ней, – но снаружи врывается табун в несколько дюжин лошадей, они топчут сухими копытами мрак, и от подков сыплются искры веселья: вот мы, я и пещера, и время, которое обратит нас в тлен.

Я хочу выразить словами, не вдаваясь в описания, бытие пещеры, которую недавно изобразила, – и не знаю как. Разве только передать ее сладкий ужас, пещера жути и чудес, место для тонущих в унынии душ, лед и ад, первооснова зла, разверстая в бесплодной земле. Я называю пещеру по имени, и она начинает жить, испуская свои миазмы. Мне страшно

оттого, что я умею писать ужас, я сама житель гулких пещер, и мне нечем дышать, ведь я слово, и я же его эхо.

Но ныне-миг – это светлячок, он то вспыхивает, то гаснет, то вспыхивает, то гаснет. Настоящее – это то самое мгновение, когда колесо автомобиля на большой скорости едва касается земли. А часть колеса, которая еще не коснулась, коснется ее в следующий миг, впитает настоящий и превратит его в прошлое. Я, живая и мерцающая, как светлячок, вспыхиваю и гасну, вспыхиваю и гасну, вспыхиваю и гасну. Но вот беда: то, что я улавливаю в себе и записываю сейчас словами, занимает в записи гораздо больше мгновений, чем взгляд. Я, скорее, желаю не мгновения, а потока мгновений.

Новая эра, вот эта, моя, она уже тут, на пороге. Хватит ли мне смелости? Пока хватает: потому что я добралась сюда из страдающего далека, из ада любви, но сейчас я свободна от тебя. Я явилась из тяжелого, незапамятного прошлого. Оттуда, где было больно жить. И я не хочу так больше. А хочу вибраций радости. Хочу моцартианской легкости. И безответственности. Свобода? это мое последнее прибежище, я принудила себя к свободе и переживаю ее не как дар, а как героизм: я героически свободна. И хочу потока.

То, что я пишу, неудобно. Я не раскрываю душу. Я, скорее, покрываюсь железной броней. Я тебе неудобна, себе неудобна. Мое слово взрывается в пространстве дня. То, что ты узнаешь обо мне, – только тень стрелы, вонзившейся в цель. Я ухвачу всего лишь тень, не занимающую места

в пространстве, а ведь лишь острие имеет значение. Я конструирую нечто свободное от меня и тебя – вот моя свобода, ведущая к смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.